

Почему мир не «плоский»

Если внимательнее посмотреть на имеющиеся данные, легко заметить, что реальный мир интегрирован в гораздо меньшей степени, чем нам кажется

ПАНКАДЖ ГЕМАВАТ

«Идеи будут распространяться все быстрее, преодолевая границы. Бедные страны получают непосредственный доступ к информации, которая раньше практически не выходила за пределы индустриально развитых стран и крайне медленно передавалась по всему остальному миру (если вообще передавалась). Любой избиратель в любой стране сможет узнавать те сведения, которые ранее были доступны лишь немногим чиновникам. Небольшие компании будут способны предлагать услуги, которые прежде были под силу только гигантам. Таким образом, вполне очевидно, что революция в сфере коммуникаций глубоко демократична и предоставляет свободу, что она выравнивает дисбаланс между большими и малыми, между богатыми и бедными». Картина мира, описанная Фрэнсис Кернкросс в ее книге «Исчезновение расстояний»¹, похоже, становится реальностью. Кажется, что мы уже живем в мире, который больше не представляет собой совокупность изолированных, «локальных» наций, разделенных высокими тарифными барьерами, слабостью систем коммуникаций и взаимными подозрениями. Это мир, который, если верить самым известным сторонникам глобализации, насквозь пронизан интернет-связями, все более информирован и в конечном итоге становится все более «плоским».

Идея сама по себе привлекательная. И если судить по книжным прилавкам, то глобализация — это нечто большее, чем мощная трансформация экономики и политики; это еще и расцвет мелкого кустарного производства. Согласно каталогу Библиотеки Конгресса США, в 1990-х было опубликовано около 500 книг, посвященных глобализации, в то время как в 2000–2004 годах их количество уже превышало 4 000. Фактически в период между серединой 1990-х и 2003 годом число книжных заголовков, так или иначе связанных с глобализацией, каждые полтора года увеличивалось более чем вдвое.

Среди всей этой массы книг несколько работ сумели привлечь к себе особое внимание. Недавно в телевизионном интервью меня спросили, почему я все еще думаю, что наш мир круглый. Ведущий, конечно, имел в виду основной тезис обозревателя *The New York Times* Томаса Фридмана, автора бестселлера «Земля — плоская»². Фридман утверждает, что десять факторов, большая часть которых обеспечивает возможность контакта и сотрудничества на расстоянии, делают земной шар «плоским», а вместе с тем «выравнивают» и площадку для глобальной конкурен-

ПЕРЕВОД СТАТЬИ ПАНКАДЖА ГЕМАВАТА (PANKAJ GHEMAWAT) «WHY THE WORLD ISN'T FLAT», ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ FOREIGN POLICY, № 159 (МАРТ/АПРЕЛЬ 2007) WWW.FOREIGNPOLICY.COM © 2007, CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ FOREIGN POLICY

ции — ничего подобного мир прежде никогда не видел.

Звучит довольно убедительно. Однако утверждения Фридмана — это просто последняя из непомерно преувеличенных картин будущего, которые во множестве появились в недавние годы. Среди них и «конец истории», и «конвергенция вкусов». Некоторые авторы, разделяющие такой взгляд на мир, рассматривают глобализацию как позитивный процесс — как уход от некогда существовавшей племенной разобщенности, которая разделила людей, либо как возможность продавать тот или иной товар в любой точке Земли. Другие сокрушаются, что глобализация — злокачественный процесс, который приведет к тому, что все население планеты будет есть один и тот же «фастфуд». Аргументы и тех, и других имеют гораздо более эмоциональный, нежели рациональный, характер; они опираются на разно-

сти. Более внимательно взглядевшись в то, как взаимодействуют компании, люди и государства, мы увидим, что перед нами предстает совершенно иной мир — мир, который только начинает осознавать возможности настоящей глобальной интеграции. К тому же сторонники глобализации умалчивают о том, что ее будущее более хрупко, чем представляется.

Десятипроцентное допущение

Лишь несколько городов, доминирующих в международной финансовой сфере (такие, как Франкфурт, Гонконг, Лондон, Нью-Йорк), действительно находятся на пике современной глобальной интеграции; иными словами, все они достаточно тесно связаны друг с другом. Но если обратиться к цифрам, то обнаруживается, что высокая степень взаимосвязанности имеет место только на локальном уровне, а не в вышеупомянутом «плоском

“В действительности мир вовсе не так густо пронизан связями, как нас в том пытаются уверить”.

го рода предсказания; их отличает «семиотическая лихорадка», которая побуждает интерпретировать любое явление как некий знак. Кроме того, особое значение придается технологиям как движущей силе перемен и образованию, которое создает «новых людей». К тому же подобные доводы, по всей вероятности, рассчитаны главным образом на то, чтобы привлечь к себе внимание. Однако всех этих авторов объединяет одно: они неправы.

В действительности мир вовсе не так густо пронизан связями, как нас в том пытаются уверить. Несмотря на все разговоры о новом мире, опутанном Сетью, где информация, идеи, деньги и люди могут перемещаться по всей планете быстрее, чем когда-либо раньше, лишь малая доля того, что мы называем глобализацией, существует в реально-

мире». О чем свидетельствуют подобного рода статистические данные? Оказывается, что различные виды экономической деятельности, которые могут осуществляться либо внутри страны, либо между странами, в подавляющем большинстве случаев реализуются в пределах одной страны.

Поборники глобализации твердят, словно заклинание, что «инвестиции не знают границ». Но какая часть капитала вкладывается компаниями вне своей страны? На самом деле общий прирост мирового капитала, который формируется путем прямых иностранных инвестиций (*FDI*), за последние три года (2003—2005, поскольку за этот период имеются доступные данные) составил менее 10 процентов. Другими словами, более 90 проц. мировых инвестиций в основной капитал по-прежнему остаются внутренни-

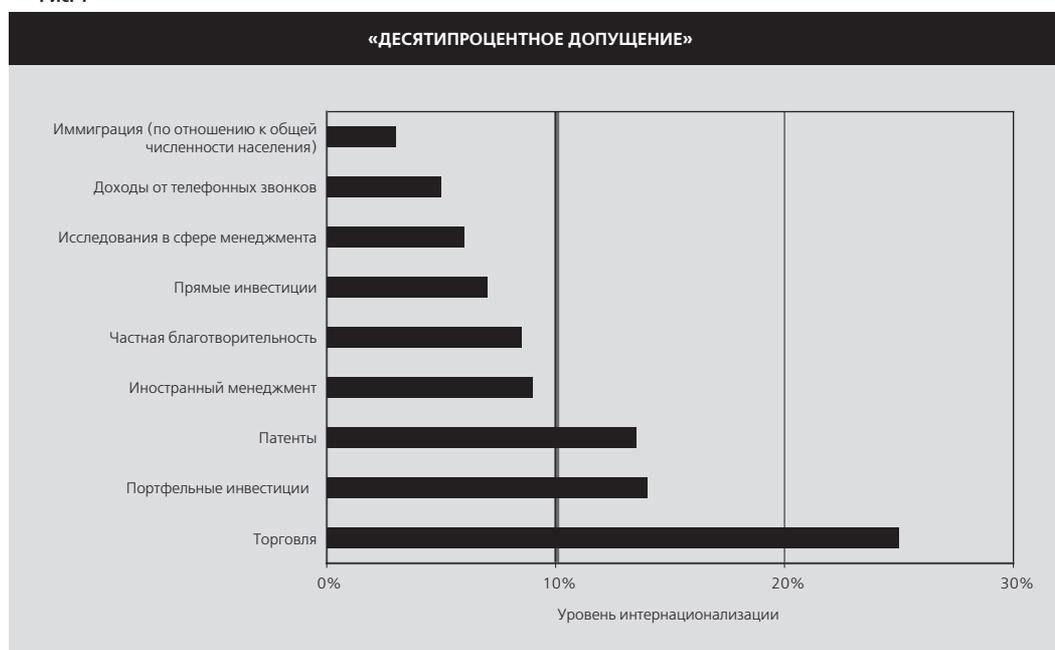
ми. И хотя волны слияний в сфере бизнеса могут иногда увеличивать долю прямых иностранных инвестиций, она еще никогда не превышала 20 процентов. Можно было бы ожидать, что в полностью глобализованном мире эта доля должна составлять гораздо больше: по моим подсчетам, около 90 процентов. И прямые иностранные инвестиции отнюдь не следует рассматривать как необычный или нетипичный пример.

Как видно из приведенной ниже диаграммы, уровень интернационализации в таких областях, как международная миграция, телефонные звонки, исследования и образование в области менеджмента, частная благотворительность, патентование, капиталовложения в товарные запасы, а также торговля, представленная в виде доли от валового внутреннего продукта (ВВП), намного ближе к 10 проц., нежели к 100. Самое заметное исключение — это отношение объема торговли к ВВП (см. нижнюю часть диаграм-

мы), но и оно упадет до 20 проц., если сделать поправку на то, что некоторые данные могли быть учтены дважды. Таким образом, если бы меня попросили оценить уровень интернационализации какого-либо направления деятельности, о котором у меня нет никакой конкретной информации, я предположил бы, что он намного ближе к 10 проц. (то есть к среднему значению для девяти представленных на диаграмме категорий), чем к 100. Назовем это «десятипроцентным допущением».

В целом приведенные данные, равно как и ряд других показателей, характеризующих международную интеграцию, позволяют говорить о «полуглобализованном» мире, в котором нельзя игнорировать ни мосты, связывающие страны, ни барьеры, которые их разделяют. С этой точки зрения самым удивительным аспектом различных работ, посвященных глобализации, является степень преувеличения. Если говорить корот-

Рис. 1



ко, на сегодняшний день уровень интернационализации в мире примерно на порядок ниже, чем предполагают сторонники глобализации.

Защита межгосударственных границ

Если принять на веру самые смелые предположения активных поборников глобализации, то можно вообразить, будто в мире государственные границы практически утратили свое значение и граждане различных государств все чаще воспринимают себя как членов более широкой политической общности.

говорит, что своего рода источником вдохновения для идеи «плоского мира» послужил Нандан Нилекани — генеральный директор индийской компании *Infosys*, второй по величине в этой отрасли. Однако в частной беседе Нилекани отметил, что, хотя индийские программисты могут теперь обслуживать Соединенные Штаты непосредственно из Индии, эту возможность обеспечивают им (по крайней мере, отчасти) американские инвестиции, направленные на выполнение данной конкретной задачи. Другими словами, успех, которого достигла индийская

“Стоимость трехминутного телефонного разговора между Нью-Йорком и Лондоном снизилась с 350 дол. США в 1930 году примерно до 40 центов в 1999-м”.

Действительно, коммуникационные технологии за последние 100 лет значительно усовершенствовались. Стоимость трехминутного телефонного разговора между Нью-Йорком и Лондоном снизилась с 350 дол. США в 1930 году примерно до 40 центов в 1999-м, а теперь, с появлением интернет-телефонии, она и вовсе фактически равна нулю. Да и сам Интернет — это лишь одно из множества новых средств связи, которые развиваются в несколько раз быстрее, чем обычные телефонные услуги. Такие темпы развития порождают соответствующие эмоциональные заявления о стремительной глобальной интеграции. Но одно дело — прогнозировать подобные изменения, и совсем другое — утверждать, что снижение коммуникационных затрат полностью уничтожит эффект расстояния. Несмотря на то что пограничные барьеры действительно существенно уменьшились, они отнюдь не исчезли.

Чтобы разобраться, почему дела обстоят именно так, рассмотрим излюбленный пример Фридмана и др. — индустрию программного обеспечения в Индии. Фридман

IT-индустрия, не означает, что она свободна от политических и географических ограничений. Страна происхождения имеет значение даже для капитала, хотя, как правило, считается, что он не имеет гражданства.

В качестве еще одного примера обратимся к крупнейшей индийской фирме по производству программного обеспечения *Tata Consultancy Services (TCS)*. Фридман посвятил, как минимум, две свои колонки в *The New York Times* операциям *TCS* в Латинской Америке. «Индийская компания, возглавляемая венгро-уругвайцем, которая к тому же обслуживает американские банки и в которой работают инженеры из Монтевидео под руководством индийских технологов, научившихся есть уругвайскую вегетарианскую пищу, — вот новая реальность сегодняшнего мира», — пишет Фридман. Возможно, это и так. Но возникает вопрос, почему компания занялась в первую очередь именно такими операциями. Поскольку с 2000 года я работаю в *TCS* консультантом по стратегическому развитию, могу засвидетельствовать, что соображения, связанные с разницей часовых

поясов, языков и необходимостью географической близости к месту, где осуществляют свою деятельность компании-клиенты, оказывали огромное влияние на принятие решения. Подобная ситуация существенно отличается от того мира, о котором так часто говорят сторонники глобализации и в котором география, языки и расстояния не имеют значения.

Это предположение подтверждается и конфигурацией торговых потоков. Обратимся, например, к канадско-американской торговле — самым интенсивным в мире двусторонним отношениям тако-

ния и к которому можно было бы применить сверхоптимистичные модели сторонников глобализации, то это, безусловно, Интернет. Между тем сетевой трафик в пределах отдельных стран и регионов возрастает намного быстрее, чем трафик между странами и регионами. Как и в реальном мире, по мере увеличения расстояния связи в Интернете ослабевают. Возможно, новые коммуникационные системы позволяют нам расширять контакты между людьми, но это не означает, что в результате люди, живущие в разных уголках мира, намного теснее связаны друг с другом. Например, средний

“Хотя глобализация и помогает преодолевать границы между странами, они и по сей день в существенной степени определяют наши передвижения”.

го рода. В 1988-м, до вступления в силу Североамериканского соглашения о свободной торговле (*NAFTA*), объем торговли товарами между канадскими провинциями, то есть в пределах страны, по имеющимся оценкам, примерно в 20 раз превышал соответствующий объем торговли со сходными по размерам и удаленности штатами США. Иными словами, существовала совершенно очевидная ориентация на внутренний рынок (*home bias*). Хотя *NAFTA* способствовало тому, что к середине 1990-х годов отношение объема внутренней торговли к объему внешней снизилось до 10:1, сегодня оно все еще больше, чем 5:1. Приведенное выше соотношение характеризует сферу обмена товарами, для услуг же оно в несколько раз больше. Совершенно очевидно, что границы в нашем якобы «не имеющем границ» мире для большинства людей, как и прежде, значимы.

Географические границы очень прочны, они существуют даже в киберпространстве. Если бы и было какое-то пространство, в котором границы не имеют значе-

южнокорейский интернет-пользователь теоретически может проводить в Сети несколько часов, общаясь со всем миром. Но, вероятнее всего, вместо того чтобы вступить в контакт с таким же сетевым пользователем в Лос-Анджелесе, он просто болтает с друзьями, живущими в том же городе, или посылает письма по электронной почте родственникам в другие районы своей же страны. У нас появилось больше возможностей связи, но от этого мы не стали более «глобализованными».

Достаточно взглянуть на *Google*, который гордится тем, что поддерживает более 100 языков, и отчасти именно поэтому недавно был признан самым глобализованным интернет-сайтом. Между тем деятельность *Google* в России (родная страна одного из основателей *Google* — Сергея Брина) охватывает только 28 проц. местного рынка (по сравнению с 64 проц., которые приходится на долю *Yandex* — лидера в сфере поисковых услуг на российском интернет-рынке, и с 53 проц., выпадающих на долю *Rambler*.

Действительно, на долю этих двух местных компаний, конкурирующих между собой, приходится 91 проц. российского рынка онлайн-рекламы, которой сопровождаются поисковые операции в Сети. Что же мешает системе *Google* расширять свою деятельность на российском рынке? В первую очередь — трудности, связанные с разработкой механизмов поиска, способных справиться с лингвистическими сложностями русского языка. Кроме того, местные конкуренты лучше учитывают особенности российского рынка — например, предлагают методы оплаты через традиционные банки, с тем чтобы компенсировать недостаточное распространение кредитных карт. И хотя масштабы деятельности *Google* с 2003 года увеличились вдвое, компании пришлось создать московский офис в России и нанять российских инженеров-программистов, подчеркнув тем самым, насколько важным остается физическое присутствие в той или иной стране. Хотя глобализация и помогает преодолевать границы между странами, они и по сей день в существенной степени определяют (и ограничивают) наши передвижения.

Переводим часы назад?

Утверждение, что термин «глобализация» недостаточно точно описывает нынешнее состояние интеграции, может вызвать очевидное возражение: даже если сегодня мир не «плоский», он станет таким завтра. Чтобы найти действительно правильный ответ, мы должны внимательно рассмотреть существующие тенденции, а не просто пронаблюдать различные уровни интеграции в одной временной точке. Результаты говорят сами за себя. По некоторым показателям интеграция достигла небывало высокого уровня уже много лет назад. Например, по достаточно грубым подсчетам, число мигрантов, на длительный срок переселившихся в другую страну, в 1900 году составляло около 3 проц. от

общемировой численности населения (максимальное значение для более ранней эпохи миграции), а в 2005-м оно равнялось примерно 2,9 процента.

Что касается других показателей, то там действительно устанавливаются новые рекорды. Но этот рост начался относительно недавно, причем после длительных периодов застоя и даже движения вспять. Например, отношение прямых иностранных инвестиций к ВВП достигло максимума перед Первой мировой войной и не возвращалось к такому уровню вплоть до 1990-х годов. Некоторые экономисты утверждают, что в долгосрочном плане самой примечательной особенностью развития было снижение уровня интернационализации между двумя мировыми войнами. И все же, несмотря на устанавливаемые рекорды, торговая активность могла бы быть куда выше, чем теперь, о чем свидетельствуют данные о канадско-американской торговле. Когда экономисты смотрят на эти цифры, они удивляются не тому, насколько велик объем торговли, а тому, насколько он мал.

Полезно также подробнее рассмотреть тот важный импульс, который сторонники глобализации связывают с целым рядом политических изменений, побудивших многие страны — в первую очередь Китай, Индию и бывший Советский Союз — более активно участвовать в международной экономике. Одно из самых точных описаний произошедших политических перемен и их последствий представили экономисты Джеффри Сакс и Эндрю Уорнер: «Период 1970—1995 годов и особенно последнее десятилетие продемонстрировали наиболее заметную институциональную гармонию и экономическую интеграцию государств в мировой истории. Хотя в 1970-х и в 1980-х годах процессы экономической интеграции шли довольно активно, интерес к тому, насколько высокой может быть степень

интеграции, резко возрос только после краха коммунизма в 1989-м. В 1995 году появляется одна доминирующая глобальная экономическая система».

Безусловно, такие повороты в политике в сторону большей открытости имеют огромное значение. Но представлять их как полную трансформацию в лучшем случае неточно. Следует помнить о «десятипроцентном допущении» и о том, что процесс интегра-

го Советского Союза, — выбывших из «клуба конвергенции» (речь идет о странах, в которых сокращается отставание от индустриально развитых государств в области производительности труда и структуры экономики), по крайней мере не меньше числа присоединившихся к этому «клубу». Что касается многосторонних связей, то приостановка переговоров по ВТО в Дохе летом 2006-го (что побудило журнал *The Economist* поместить на

“Даже если международная интеграция по-прежнему будет активно развиваться, вряд ли это развитие станет плавным и последовательным”.

ции только начинается. Политические установки, которые мы, переменчивые люди, претворяем в жизнь, подчас оказываются весьма неустойчивы. Именно поэтому работа Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории»³, которая предрекает победу либеральной демократии и капитализма, движимого технологическим развитием, над другими идеологиями, сегодня кажется довольно эксцентричной. Во всяком случае, после событий 11 сентября 2001-го Самьюэл Хантингтон, автор «Столкновения цивилизаций»⁴, кажется куда более прозорливым. Но даже если не выходить за рамки экономической сферы (а именно такой позиции в основном придерживаются Сакс и Уорнер), легко обнаружить данные, свидетельствующие о том, что рост политической открытости не играет такой уж важной роли. «Вашингтонский консенсус» (*Washington Consensus*) относительно рыночно ориентированной политики в 1997 году столкнулся с финансовым кризисом в Азии и с тех пор сильно поблек, в частности, на фоне взлета неопопулизма во многих странах Латинской Америки. Если судить по экономическим показателям, количество стран — в Латинской Америке, на африканском побережье и на территории бывше-

своей обложке заголовок «Будущее глобализации» вместе с изображением выброшенного на берег остова разбитого судна) не предвещает ничего хорошего. Кроме того, новая волна транснациональных слияний и поглощений, похоже, сталкивается с большим протекционизмом, чем предыдущая волна в конце 1990-х годов.

Конечно, если учесть, что настроения за последние 10 лет заметно изменились, вполне вероятно, что они могут вновь поменяться в следующем десятилетии. Отказ от политики содействия глобализации не просто возможен — достаточно легко себе представить, как именно это происходит. Если говорить более конкретно, мы должны учитывать вероятность того, что глубокая международная экономическая интеграция может оказаться принципиально несовместимой с государственным суверенитетом, особенно если принять во внимание, что во многих странах, в том числе и в развитых, электорат выступает скорее за усиление протекционизма, чем за его ослабление. Как заметил в конце 2006-го генеральный директор *General Electric* Джеф Имметт, «если вы попытаете поставить вопрос о глобализации на всеобщее голосование в США, он не получит под-

держки». И даже если международная интеграция по-прежнему будет активно развиваться, вряд ли это развитие станет плавным и последовательным. По всей видимости, нас ждут потрясения и циклические процессы, а возможно, даже и новый период застоя либо движения вспять, который способен затянуться на многие десятилетия. И такое развитие событий едва ли можно назвать беспрецедентным.

Поборники глобализации описывают мир, которого не существует. Таким образом легко поднять продажи соответствующих книг и даже нарисовать одну из потенциально возможных картин будущего, которая когда-нибудь, может стать, возникнет. Поскольку эпидемии массового заблуждения обычно

длятся относительно недолго, даже если они получают широкое распространение, можно было бы просто попробовать некоторое время переждать. Но ставки слишком высоки. Правительства, которые склонны верить в «плоский мир», вероятно, должны уделять слишком много внимания «золотой смири- тельной рубашке», которую тот же Фридман описал в своей более ранней книге «Лexus и оливковое дерево»⁵. По мысли автора, действие этой «рубашки» состоит в том, чтобы роль экономики постоянно росла, а роль политики уменьшалась. Принимать всерьез такую версию интегрированного мира или, что еще хуже, руководствоваться ею при принятии политических решений — это не только непродуктивно. Это опасно. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Cairncross F.* The Death of Distance: How the Communications Revolution Will Change Our Lives. Harvard Business School Press, 1997.

² *Friedman T.* The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2005. Рецензия на эту книгу была опубликована в журнале *Pro et Contra*. 2006. № 1. С. 133–139.

³ *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. Free Press, 1992.

⁴ *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y.: Simon&Schuster, 1998.

⁵ *Friedman T.* The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1999.